

АРМЕН ГАСПАРЯН

ЛОЖЬ ПОСПОЛИТА

Армен Сумбатович Гаспарян

Ложь Посполита

Серия «Книги Армена Гаспаряна»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34472150
Ложь Посполита: Питер; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-4461-0806-0*

Аннотация

Сегодня Варшава, ежедневно рассуждая о «русской угрозе» и «коварных планах Путина», старательно обходит неудобные вопросы. Их накопилось немало за XX век. Российско-польские отношения действительно трудно назвать безоблачными. Но если Москва не отказывается от обсуждения Катынского дела или Рижского договора, то Варшава категорически отрицает массовую гибель красноармейцев в польских лагерях, уничтожение храмов Русской православной церкви и свое участие в Холокосте.

Новая книга известного журналиста, историка и писателя Армена Гаспаряна посвящена тем страницам истории, о которых в Польше не хотят вспоминать. Но именно они являются основой, возведенной в ранг государственной политики русофобии.

Содержание

Предисловие. Главные русофобы в мире	5
Глава 1. Что стало с пленными красноармейцами в 1920 году?	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Армен Гаспарян

Ложь Посполита

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Книги Армена Гаспаряна, 2018

* * *

Предисловие. Главные русофобы в мире

Поляки издавна питают к России негативные эмоции. Русофобия, активно поддерживаемая польскими политиками и общественными деятелями, дает свои плоды. «Революция достоинства» на Украине, последовавшее за этим возвращение Крыма в состав Российской Федерации и война на Донбассе укрепили польских обывателей в мысли, что наша страна обязательно нападет, закабалит и уничтожит их замечательное государство. Не так давно был проведен опрос общественного мнения, который показал, что подавляющее большинство поляков негативно относятся к России, россиянам и Путину. И если до 2014 года отрицательно относились к России 54 % жителей Польши, то за последнее время цифра увеличилась до 81 %. Восемьдесят шесть процентов поляков крайне негативно относятся к российскому президенту. Доверяют Владимиру Владимировичу только 8 %. Положительные эмоции при слове «Россия» или «русские» испытывает всего ничего – порядка 12 % поляков.

Подобный рост боязни России и русского мы наблюдали еще, пожалуй, в Соединенных Штатах Америки – начиная с ноября 2016 года, когда Трамп победил на президентских выборах.

Что это означает? Не надо думать, что раньше наши отношения были идеальными и только события 2014 года их разрушили. На самом деле на протяжении последних 100 лет польское государство делало все возможное для того, чтобы воспитать в своих гражданах ненависть к России. Да, был определенный период, когда Польша входила в социалистический лагерь, и тогда эти настроения не поддерживались на государственном уровне. Но это не означает, что их не было в самом польском обществе. В XX веке много чего произошло: и советско-польская война, и трагедия в Катыни, и попытка реализовать план «Прометей», целью которого было уничтожение СССР, разделение его на части по национальному признаку. Все это и стало фундаментом для нынешней антироссийской и откровенно русофобской истерии в обществе.

Удивительно, но сами поляки с гордостью называют себя главными русофобами в мире. И надо признать, что на этом направлении они добились грандиозных успехов. Едва ли найдется сегодня государство, которое с такой последовательностью, с такой нескрываемой ненавистью боролось бы против всего русского, как это делают поляки.

О некоторых эпизодах этой борьбы я и расскажу на страницах этой книги. К сожалению, многие из нас до сих пор продолжают искренне верить в постулаты времен советского агитпропа – о нерушимом братстве и дружбе народов. Именно поэтому каждая новая русофобская выходка Варшавы вы-

зывает у нас столько огорчения и непонимания. Мы долгие годы молчали об очень многих событиях. И совершенно напрасно, потому что наше молчание воспринималось как слабость. А поляки этим, разумеется, активнейшим образом пользовались.

Я вовсе не хочу, чтобы у читателей возникли какие-то антипольские настроения. Моя цель – рассказать о том, о чем мы не очень любим говорить вслух. Чтобы все понимали, почему Польша позиционирует себя как главного русофоба в мире. Надеюсь, что факты, которые я приведу на страницах этой книги, заставят вас о многом задуматься. И когда последует очередное гнусное польское заявление, вы уже будете понимать, что послужило его основой и откуда пошла польская русофобия.

Я очень благодарен читателям моего «Твиттера», которые помогли мне в работе над книгой, подсказали важные темы и обозначали те факты, на которые обязательно нужно обратить внимание.

Глава 1. Что стало с пленными красноармейцами в 1920 году?

Сегодня, наверное, нет такого человека, который бы никогда не слышал слово «концлагерь», ни когда не видел страшных фотографий, ужасающих кадров кинохроники времен Второй мировой войны и не представляет себе, что такое концлагерь. Но мало кто слышал о том, что наши с вами прадеды узнали слово «концлагерь» за 20 лет до трагических событий Великой Отечественной войны.

...В самом центре Польши расположен городок Тухоля. Небольшой цементный заводик, лес. Имеется своя мусорная свалка. Жители городка даже не подозревают о том, что эта самая мусорная свалка организована на месте, где погибли тысячи русских солдат и командиров: именно там располагался печально знаменитый концентрационный лагерь, ставший символом уничтожения красноармейцев в самом начале 20-х годов прошлого века.

Возникает закономерный вопрос: как они там оказались? И почему об этом так редко говорят?

В европейской повестке исторических вопросов этого эпизода вообще нет. Как это ни прискорбно прозвучит, не обсуждается он и в нашем обществе.

Вообще, в общественном мнении все наше взаимоотно-

шение с Польшей ограничивается 1930-ми годами: договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, потом Катынское дело. Лишь очень немногие знают о плане «Прометей» и слышали о судьбе красноармейцев, попавших в польский плен.

Давайте разбираться.

Апрель 1920 года. Начинается советско-польская война. Красная армия с 90 тысячами штыков и сабель сражалась против 80 тысяч польских штыков и сабель. Конечно, сегодня мы все оцениваем по меркам Великой Отечественной войны. А по реалиям 1940-х годов группировка в 80–90 тысяч человек – не самые большие военные формирования. Но в 1920-х это была очень серьезная сила. В кругах русской эмиграции, например, достаточно долго бытовала точка зрения, что для победы над большевиками Антону Ивановичу Деникину не хватило сущей мелочи – 25 тысяч штыков и сабель.

25 апреля 1920 года поляки заняли Киев, и, разумеется, должен был последовать ответ со стороны РСФСР. Западный фронт под командованием Тухачевского начал наступление на Варшаву, заставив противника заняться перегруппировкой сил. Все было бы, в общем, хорошо, если бы не одна печальная деталь. Наступление было крайне плохо подготовлено. Нам удалось, конечно, достичь определенных успехов: взяли Минск, Вильно. Но Тухачевский не учел массу нюансов, которые в дальнейшем негативно скажутся на всей

кампании и закономерно приведут к ее провалу.

Британский министр иностранных дел лорд Керзон в ноте наркому иностранных дел Чичерину предлагает остановить продвижение РККА на линии Гродно – Брест, или, как ее стали называть, линии Керзона. Москва категорически отвергла предложение Лондона, настаивая на необходимости прямых переговоров с Польшей.

Параллельно продолжалось наступление на Варшаву – Львов, хотя два человека категорически возражали против этого. Первым был народный комиссар по военным и морским делам Лев Троцкий, второй – член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Иосиф Сталин. Оба этих всем известных политика указывали на то, что наступление не готово и необходимо действовать иначе. Но Тухачевский в свойственной ему манере критику слушать не захотел. Ему казалось, что победа близка, одним серьезным ударом он сокрушит польское панство и станет самым великим красным полководцем... Тухачевский вообще считал себя таким Бонапартом – неслучайно многие, причем не только в Советском Союзе, но и в русской эмиграции, называли его Красным Наполеоном.

По мере продвижения к Висле сопротивление поляков возрастало. И хотя преимущество в живой силе было на стороне Рабоче-крестьянской Красной армии, Тухачевский не учел возможного контрнаступления войск Пилсудского. А польский маршал, надо отдать ему должное, нашупал сла-

бые места Красной армии и именно туда нанес сокрушительный удар. В результате в августе тылы Западного фронта Тухачевского были расстроены. Больше того, поляки взяли Брест. Все это грозило абсолютной катастрофой. Не случайно в польской историографии эти события называются «Чудо на Висле» (аналогия с «Чудом на Марне» сентября 1914 года, когда мощная немецкая армия потерпела поражение от англофранцузских войск).

Для Западного фронта это была в подлинном смысле трагедия: потери составили 66 тысяч человек пленными и 25 тысяч убитыми. Еще 50 тысяч вынуждены были отступить в Восточную Пруссию, где были интернированы. В результате контрнаступления поляки захватили Белосток, Барановичи, Луцк, Ровно, Тернополь. Развить успех они, правда, не могли, поэтому Варшава приняла решение ограничиться взятыми рубежами и приступить к позиционной обороне. По сути, на этом активные боевые действия на фронте закончились. Начинаются мирные переговоры – сначала в Минске, потом в Риге. В результате 18 марта 1921 года был подписан Рижский мирный договор, о котором мы поговорим отдельно. Пока ограничимся лишь тем, что договором была установлена новая польско-советская граница – она прошла восточнее предложенной ранее линии Керзона, то есть почти по меридиану Пскова.

В Советском Союзе панических настроений в связи с этим не возникло, но все прекрасно понимали драматичный ха-

раक्टर этих событий и то, что десятки тысяч красноармейцев оказались в концлагерях. Я не случайно употребляю в этой главе слово «концлагерь» – так описывали эти, с позволения сказать, учреждения современники. Например, генерал Деникин пишет: «Концлагеря с колючей проволокой – скорбные дни национального унижения». Конечно, на тот момент термин «концлагерь» не был широко известен и еще не имел такого ярко выраженного отрицательного подтекста, который у него есть сегодня.

Концлагерь в значении «фабрика смерти» впервые появился именно в Польше в 1920-х годах. В том самом лагере в Тухоле погибли 22 тысячи пленных красноармейцев. Причем это цифры не советской стороны. Их приводит полковник польского генштаба Матушевский в докладе военному министру в феврале 1922 года.

Народный комиссар иностранных дел Чичерин в 1921 году писал, что погибли 60 тысяч советских солдат и командиров. Вообще надо сказать, что цифры по количеству пленных очень сильно разнятся: от 157 тысяч человек (по данным доктора исторических наук Мельтюхова) до 216 тысяч (такую цифру приводит генерал Кирилин). При этом не учитываются белогвардейцы, оказавшиеся в тех же самых концентрационных лагерях, и даже украинские националисты, которые сидели по соседству. Но в любом случае, согласитесь, цифры ужасающие.

По данным СССР, из плена вернулись 67 тысяч красноар-

мейцев. Российские историки эту цифру подтвердили, и сегодня поляки ее не оспаривают. Остальные красноармейцы погибли в польских лагерях. Таким образом даже при минимальной цифре 157 тысяч пленных это означает, что в Польше погибли 90 тысяч человек. Полякам такая арифметика очень не нравится, они утверждают, что в плену погибли каких-то 18 тысяч человек – суший пустяк. Но тогда возникает закономерный вопрос: а куда делись еще 100 тысяч человек? Дело в том, что поляки не фиксировали людей, которые погибли в плену до заключения в концентрационный лагерь. Точно так же, как и немцы в 1941 году, поляки оставляли раненых на поле боя без помощи, перевозили их до лагерей сбора в буквальном смысле как скот, без еды, воды, медикаментов, и при малейшем подозрении на нарушение дисциплины или неподчинение польским властям русских солдат расстреливали на месте. Этих людей не включают в статистику и современные польские историки. Их как бы и не было.

Давайте откроем доклад о посещении лагерей в Брест-Литовске уполномоченным международного комитета Красного Креста в присутствии врача французской миссии. На тот момент в лагере, который располагался во всем сегодня хорошо известной Брестской крепости, находились 3800 человек. Что же мы читаем в этом докладе?

«От караульных помещений, так же как от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные,

исходит жуткий запах. Пленные зябко жмутся вокруг импровизированной печки, где горят несколько поленьев, – единственный способ обогреться. Ночью, укрываясь от первых холодов, они тесными рядами укладываются группами по 300 человек в плохо освещенных и плохо проветриваемых бараках, на досках без матрацев и одеял. Пленные большей частью одеты в лохмотья. Жалобы сводятся к следующему: мы голодаем, мерзнем, когда нас освободят? Следует отметить как исключение, подтверждающее правило: большевики заверили одного из нас в том, что они предпочли бы теперешнюю свою участь участи солдат на войне. Выводы. Этим летом из-за скученности помещений, непригодных для жилья; совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных, многие из которых тут же и умирали; недостаточности питания, о чем свидетельствуют многочисленные случаи истощения; отеков, голода в течение трех месяцев пребывания в Бресте лагерь представлял собой настоящий некрополь. Две сильнейшие эпидемии истощили этот лагерь в августе и сентябре – дизентерия, сыпной тиф. Последствия были усугублены тесным проживанием больных и здоровых. Мед персонал заплатил свою дань инфекции: из двух врачей, заразившихся дизентерией, один умер, из четырех студентов-медиков один умер. Рекорд смертности был поставлен в начале августа, когда в один день от дизентерии скончались 180 человек».

Я не случайно привел такую длинную цитату.

Ужасающая картина. Она ничем не отличается от того, что происходило в немецких концлагерях. Но то, что творило руководство Третьего рейха, было осуждено Нюрнбергским военным трибуналом как тягчайшее преступление против человечества. Действия поляков никто, разумеется, не осудил.

Еще один документ – «Докладная записка начальника санитарного департамента министерства военных дел Польши». Декабрь 1919 года.

«Посетил лагерь пленных в Белостоке. Сейчас, под первым впечатлением, осмелился обратиться к господину генералу как к главному врачу польских войск с описанием страшной картины, которая предстает перед каждым прибывающим в лагерь. Преступное пренебрежение своими обязанностями всех действующих в лагере органов навлекло позор на наше имя, на польскую армию, так же как это имело место в Брест-Литовске. На каждом углу грязь и неопрятность, которую невозможно описать. Запущенность, человеческая нужда. Перед дверями барачных куча человеческих испражнений.

Больные до такой степени ослаблены, что не могут дойти до отхожих мест. Сами бараки переполнены, здоровых крайне мало. По моему мнению, среди 1400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые только тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно. Смрад от дизентерийных больных и пораженных гангреной опухших от голода ног. В бараке, который

должны были как раз освободить, лежали среди других двое тяжело больных в собственном кале, сочащемся через верхние портки, – у них не было сил, чтобы подняться и перелечь на сухое место на нарах».

Вдумайтесь в эти страшные слова. За подобные изуверства немецких генералов и руководителей Третьего рейха совершенно справедливо судили в Нюрнберге и приговорили к смертной казни. Но никто, никто до сих пор не требует такого же отношения к деятелям Польской республики, которые так относились к солдатам Красной армии. А ведь все это, по сути, тоже преступление против человечества.

Были и другие эпизоды, о которых сегодня варшавские политики и многочисленные эксперты предпочитают не вспоминать. Например, приказ генерала Сикорского (через какое-то время он станет премьер-министром Польши) – расстрелять из пулеметов 300 советских военнопленных. Распоряжение генерала Пясецкого вообще не брать в плен советских солдат. Солдаты 49-го пехотного полка Пятой польской армии, выполняя этот приказ, расстреляли из пулеметов 200 пленных казаков.

Чем участь советских солдат, которые находились в лагерях в Житомире, Барановичах, Вильно, Бобруйске, Гродно, отличается от участи заключенных Аушвиц-Биркенау, Дахау, Освенцима, Заксенхаузена? Однако любые попытки России заговорить об этом на серьезном уровне тут же встречают гигантское сопротивление Польши.

В частности, Российское военно-историческое общество решило установить памятник солдатам и командирам Красной армии, погибшим в 20-е годы в Польше, – скромный крест на кладбище. Министр иностранных дел республики тут же заявил, что это подлейшая провокация Москвы, а мэр Кракова – что этот крест на кладбище разжигает вражду. Давайте честно скажем: во многом мы сами виноваты в сложившейся ситуации. После 1945-го, принимая Польшу в братский союз социалистических стран, мы предпочитали не вспоминать о том, что происходило в 1920-е годы. И советское общество искренне было убеждено, что концлагерь – это Аушвиц-Биркенау и Майданек. Мы молчали по этому поводу, а поляки, чтобы не дразнить гусей, старались не вспоминать о Катыни. Но стоило Советскому Союзу распасться, поляки тут же начали предъявлять нам претензии, перевирая один исторический факт за другим.

Вопросов действительно много, но мы никогда от своего не отказывались – в этом сила нашей страны. Например, в Катыни установили мемориал польским воинам. А что сделали в Польше? Про концлагеря никто не вспоминает.

Но это вовсе не означает, что мы с вами должны об этом молчать. Напротив – об этом нужно говорить. В память о тех десятках тысяч людей, которые были уничтожены Варшавой из-за ее вечной русофобии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.